

## ПОЛЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ПРИВЕСКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

© 2019 г. Л.В. Покровская\*, Е.А. Тянина\*\*

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия*

\*E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru

\*\*E-mail: vyla@yandex.ru

*Поступила в редакцию 13.06.2017 г.*

*Поступила после доработки 28.12.2017 г.*

В эпоху средневековья полые зооморфные привески из цветного металла были широко распространены у финно-угров, балтов и славян. Их находят на поселениях, в кладах, в курганных и грунтовых могильниках, а изучению их хронологии, типологии, семантики, техники изготовления и этнической принадлежности посвящено немало работ разных исследователей. В статье рассматриваются хронология и топография полых зооморфных амулетов в Новгороде и некоторые вопросы их семантики. В процессе исследования выявлено два периода их бытования. В слоях I периода (конец XII – первая половина XIII в.) они еще не получили широкого распространения, их появление в Новгороде связано с контактами владельцев усадеб с ближней и дальней округой и было первым проникновением традиции их использования в городской среде. Во II периоде (вторая половина XIII–XIV в.) распространение в Новгороде полых коньковых привесок свидетельствует о том, что они становятся частью женского городского убора и демонстрируют взаимосвязь городской материальной культуры с культурой Новгородской земли, а в некоторых случаях направление связей владельцев усадеб. Вхождение в городскую культуру полых шумящих коньков-амулетов во второй половине XIII–XIV в. обусловлено не только взаимодействием Новгорода с округой, но и семантикой этих амулетов, отражавшей религиозные представления новгородцев.

*Ключевые слова:* средневековый Новгород, археология, птицевидные амулеты, коньки-амулеты, систематизация, хронология, топография, семантика.

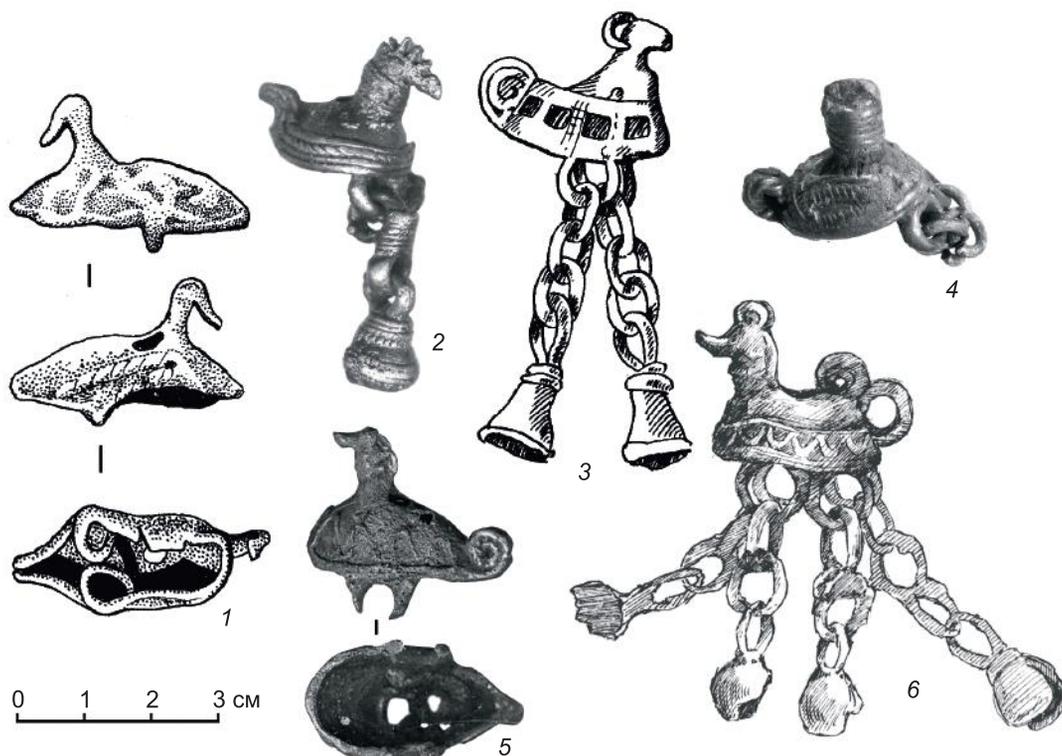
DOI: 10.31857/S086960630004145-8

Зооморфные привески – наиболее распространенная группа амулетов из цветного металла не только в Новгороде, но и на территории всей Древней Руси. Им посвящен ряд научных публикаций, в которых подробно рассмотрены вопросы их хронологии, типологии, семантики и этнической принадлежности (Голубева, Варенов, 1978; Голубева, 1979; Рябинин, 1981; Седова, 1981. С. 28–34; Липина, 2006, Кузнецова, 2016). Наиболее полными сводами зооморфных привесок в настоящее время являются работы Л.А. Голубевой (1976, 1979) и Е.А. Рябины (1981).

Первая попытка систематизации зооморфных привесок по технологическому принципу (пластинчатые и полые) была предпринята Д.Н. Анучиным (1899), который выделил среди полых привесок изображения коней и уток, но далее не детализировал типы. В.В. Седов разделил зооморфные привески

на полые и плоские, но не выделял в группе полых зооморфных изделий птицевидные и коньковые (Седов, 1966. С. 246–249). Изготовление полых зооморфных привесок в технике полого литья по восковой модели с утратой формы не позволяет создавать серии стандартной продукции, что усложняет составление типологических рядов (Рындина, 1963. С. 244; Рябинин, 1981. С. 9). Наиболее подробная типология полых амулетов составлена Е.А. Рябиным (1981). Он объединяет их в VI группу и разделяет на три типа: XVIII, XIX и XX. Все исследованные новгородские полые зооморфные привески относятся по типологии Е.А. Рябины к XX типу и отлиты по выплавляемой восковой модели (Рындина, 1963. С. 244; Коновалов и др., 2008. С. 35).

В статье сохранена типология Е.А. Рябины, так как его исследование и в настоящее время является наиболее полным сводом



**Рис. 1.** Птицевидные зооморфные амулеты. 1 – тип XVIII, вар. 1, Неревский 25-25-1922; 2 – тип XVIII, вар. 6, Троицкий 12-331; 3 – тип XVIII, вар. 5, Троицкий 9-323; 4 – тип XVIII, Троицкий 10-1781; 5 – тип XIX, Троицкий 2-1833; 6 – тип XIX, Троицкий 3-1179. Типы здесь и далее даны по: Рябинин, 1981. Цифры у названия раскопа Неревский обозначают ярус-пласт-квадрат или пласт-квадрат.

**Fig. 1.** Avian zoomorphic amulets

полых зооморфных амулетов, найденных на территории средневековой Руси. В новгородском археологическом материале известны все типы привесок VI группы. Полые шумящие привески XVIII, XIX типов, как и привески лапчатой формы, характерные для круга финно-угорских древностей, не получают в Новгороде широкого распространения (таблица). Единственный вариант птицевидной привески с лапчатыми подвесками<sup>1</sup> зафиксирован на Десятинном раскопе (<http://www.archaeolog.ru/?id=235>). Особенно многочисленны полые шумящие коньки-амулеты XX типа (90 экз.). Кроме свода, составленного Е.А. Рябининым (1981), подробная характеристика полых шумящих коньков-амулетов дана в статье Л.А. Голубевой и А.В. Варенова (1978). Полым конькам, найденным в Новгороде, посвящены одна из глав монографии М.В. Седовой

(1981), работы Л.В. Покровской (1990, 1997, 1998, 2012).

Типологии Е.А. Рябининой, Л.А. Голубевой и А.В. Варенова, М.В. Седовой довольно близки и основываются на различиях в форме мордочки и наличии сканной или кольчатой гривы. Е.А. Рябинин выделяет их в XX тип и разделяет на восемь серий, которые включают в себя подсерии “а” и “б” (одноглавые и двуглавые), М.В. Седова предлагает шесть типов, а Л.А. Голубева и А.В. Варенов – девять. В отличие от предыдущих типологий зооморфных привесок В.Н. Кузнецовой разработана классификация, основанная на формальных признаках (морфологических и стилистических). В ее исследовании полые зооморфные привески выделены в группу А-2.1.1 по форме звеньев подвесок (Кузнецова, 2016. С. 7, 12). Не вдаваясь в подробности достоинств и недостатков той или иной типологии, следует отметить, что постоянным и отличительным признаком остается не форма мордочки конька, его корпус (который всегда стабилен) или

<sup>1</sup> Еще одна птицевидная привеска с лапчатыми подвесками была найдена на Троицком XV раскопе в полевом сезоне 2017 г.

## Полые зооморфные привески на раскопах Новгорода

Раскопы	Птицевидные привески (XVIII и XIX типы)	Полые шумящие коньки-амулеты	
		(XX тип)	
		I группа	II группа
Неревский	1	28	4
Троицкий	5	12	8
Никитинский	—	7	1
Славенский (на ул. Кирова)	—	6	1
Ильинский	—	4	—
Лубяницкий	—	—	2
Буяный	—	2	2
Нутный	—	1	—
Дубошин	—	2	—
Торговый	—	1	—
Суворовский	—	1	—
(Михайловский)	—	1	—
Борисоглебский	—	1	—
Козмодемьянский-2	—	1	—
Козмодемьянский-3	—	1	—
Михаило-Архангельский	1	—	—
Мост-Волхов	—	1	—
Петропавловский-2	—	1	—
Власьевский-2	—	1	—
Досланьский-1	—	1	—
Лукинский-2	—	—	1
Десятинный	1	—	—
Всего	8	71	19

форма звеньев (которые на привеске не всегда сохраняются), а грива — кольчатая или сканная (Покровская, 1998. С. 10). По этому признаку полые коньки-амулеты разделяются на две группы.

В настоящее время остаются дискуссионными вопросы, связанные с новгородским происхождением полых шумящих коньков-амулетов, возможности их изготовления в Новгороде на широкий рынок сбыта и их сакральной функции в городской среде.

*Полые птицевидные амулеты* (4 экз.).

#### XVIII тип (рис. 1, 1–4)

Вариант 1 — 1 экз. (рис. 1, 1). Е.А. Рябинин отмечает ограниченный ареал таких привесок — бассейн р. Оять (Рябинин, 1981. С. 36). Найденная в Новгороде привеска 1-го варианта происходит из слоя XI в. усадьбы И Неревского раскопа, расположенной на перекрестке Великой и Козмодемьянской улиц. В слоях раннего периода (вторая половина X–XI в.) на этой усадьбе зафиксирована пластинчатая прорезная привеска-уточка (тип I, вариант 1)

(Покровская, 1998. С. 18, 19) приладожского происхождения (Рябинин, 1981. С. 14). Подобные привески найдены и на других неревских усадьбах (Покровская, 2010. С. 263, 264, 267, 268). Находки в Новгороде птицевидных привесок приладожского происхождения в слоях XI в. совпадают со временем их распространения в Юго-Восточном Приладожье, что свидетельствует о возможных связях владельцев усадьбы И с этим регионом. Однако, учитывая отсутствие у славянского и древнерусского населения традиции использования птицевидных амулетов, можно предположить, что в составе жителей усадьбы могли быть финно-угры.

Вариант 5 — 1 экз. (рис. 1, 3). По мнению Е.А. Рябининой эти привески могли изготавливаться в Костромском Поволжье (1981. С. 38). Привеска этого варианта найдена на усадьбе Г Троицкого раскопа в слое начала XIII в.

Вариант 6 — 2 экз. (рис. 1, 2, 4). У привесок этого варианта петля для привешивания шумящих подвесок помещена не по бокам, а в передней части, что указывает на их



Рис. 2. Полые шумящие коньки-амулеты Неревского раскопа (XX тип). 1–6 – I группа (со сканной гривой); 7, 8 – II группа (с кольчатой гривой). 1 – 11-16-288; 2 – 11-18-1345; 3 – 10-18-1329; 4 – 10-13-1819; 5 – 11/12-10-489; 6 – 10-18-1337; 7 – 10-12-468; 8 – 12-17-278.

Fig. 2. Hollow rattling horse-shaped amulets of the Nerevsky excavation site (type XX, after: Ryabinin, 1981)

восточно-финское происхождение (Рябинин, 1981. С. 38). Одна из привесок обломана, и ее можно отнести к варианту 6 лишь условно, по признаку размещения петли для привешивания бубенчиков в передней части. Привески рассматриваемого варианта найдены в слое XII в. на Троицком раскопе, на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц, недалеко от усадьбы Г (рис. 1, 2) и на усадьбе Т, ориентированной на Редятину улицу (рис. 1, 4).

**“Переходный” XIX тип** – 4 экз. (рис. 1, 5, 6). Привески этого типа более известны в литературе под названием “коньков-птиц” или “барашков”, и сочетают в себе элементы изображения коня и птицы (Рябинин, 1981. С. 38–40). Е.А. Рябинин указывает на Костромское Поволжье как на район их наибольшей концентрации, отмечая при этом их “спорадические находки на огромной территории Восточно-европейского Севера” (Рябинин, 1981. С. 38). В Новгороде они происходят из слоев XII–первой половины XIII в. с Троицкого (2 экз.,

усадьбы П, Ф), Михаило-Архангельского (1 экз.) и Десятинного (1 экз.) раскопов.

Л.А. Голубева объединяет привески, выделенные Е.А. Рябининым в XVIII (вариант 5) и XIX типы, в 6-й тип. Место происхождения этого типа привесок, по ее мнению, – Поволжье, где они датируются XII–XIII вв. (Голубева, 1979. С. 19). Новгородские привески вариантов 5 и 6 XVIII типа и привески XIX типа локализуются на усадьбах Людина конца (Троицкий раскоп) и синхронны находкам в районе их основного распространения (Покровская, 2007).

*Полые коньковые привески (90 экз.)*

**XX тип** (рис. 2–4). Многочисленность и широкое распространение в Новгороде этого типа коньковых привесок, находки практически на всех новгородских раскопах их обломков и деталей (рис. 5) привело к устойчивому мнению о том, что Новгород был крупнейшим центром их изготовления на широкий рынок

сбыта (Рябинин, 1981. С. 39, 42) уже в конце XII в. (Голубева, Варенов, 1978. С. 237). Выявить устойчивые серии предметов, отлитых по восковой модели, не представляется возможным. Поэтому, как было сказано выше, наиболее устойчивым признаком у полых коньков является грива.

**I группа. Коньки-амулеты со сканной гривой** (71 экз.). В эту группу по классификации Е.А. Рябина входят коньки-амулеты 1-й (46 экз.), 2-й (18 экз.) и 3-й (8 экз.) серий (рис. 2, 1–6; 3; 4). Наиболее представительные по количеству и наиболее поздние хронологически – серии 1 и 2 коньков-амулетов, которые датируются в Новгороде концом XIII – серединой XIV в. Коньки-амулеты серии 3 происходят из слоев второй половины XIII – начала XV в., за исключением экземпляра конца XII в. (усадьба Б Неревского раскопа). Кроме Новгорода концентрация коньков-амулетов этих серий прослеживается на северо-западе Новгородской земли (Голубева, Варенов, 1978. С. 233; Рябинин, 1981. С. 39–41). Большой количественный состав полых коньков I группы в Новгороде и их широкое распространение в землях, тесно связанных с ним, свидетельствуют о том, что именно они могли быть продукцией новгородского ремесленного производства.

**II группа. Коньки-амулеты с кольчатой гривой** (19 экз.). По классификации Е.А. Рябина к этой группе относятся коньки 4-й (10 экз.), 5-й (3 экз.), 7-й (1 экз.) и 8-й (4 экз.) серий.

Серия 4 (рис. 3, 8, 9; 4, 5, 6) – наиболее представительная и наиболее поздняя серия коньков II группы. Она датируется в Новгороде концом XIII – первой половиной XIV в. Основной район распространения коньков этой серии, тот же, что и коньков I группы – северо-запад Новгородской земли (Рябинин, 1981. С. 41). Пять привесок этой серии происходит с Троицкого раскопа.

Серия 5 (рис. 3, 4, 6) – привески найдены на Неревском раскопе (усадьба Е) в слое конца XII – начала XIII в. и на Троицком XV раскопе в слоях XIII в. Амулетов серии 5а, по сведениям Е.А. Рябина, найдено всего два. Один – новгородский (неревский), второй, полностью ему аналогичный, происходит из грунтового могильника Котловка на правом берегу Камы (Рябинин, 1981. С. 41, 42). Вероятно, при находках идентичных привесок из двух сильно отдаленных районов, следует предполагать не прямую, а опосредованную связь через неизвестный нам источник. Еще

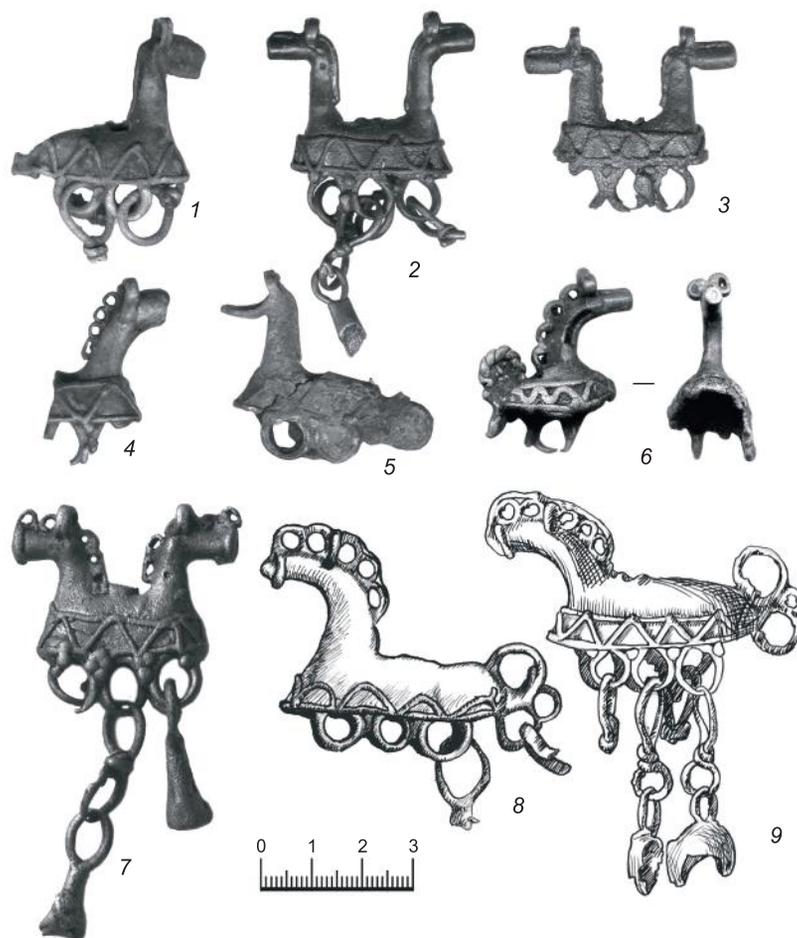
две привески серии 5б (удвоенные амулеты) найдены в Водской земле (Рябинин, 1981. С. 41, 42). Несмотря на то что у всех привесок 5-й серии есть выявленные Е.А. Рябиным общие признаки (высокая прямая шея, трубчатая голова с кольчатой гривой), следует признать ее нестандартность. Ближайшая аналогия (двуглавая) троицкому коньку первой половины XIII в. (рис. 3, 6) происходит из Московской обл. и отнесена Е.А. Рябиным к 6-й серии (1981. Табл. XXIII, 5), а Л.А. Голубевой и А.Б. Вареновым к V типу (1978. Рис. 1, 4).

Серия 7 (рис. 2, 8) – привеска происходит из слоя второй половины XIII в. Неревского раскопа (усадьба Б). Две аналогичные ей найдены в бассейне р. Кокшеньга, а еще одна – в Лоемском могильнике (Рябинин, 1981. С. 42).

Серия 8 (рис. 2, 7) – коньки найдены на Неревском раскопе в слоях второй половины XII (усадьба Д) и начала XIV в. (усадьба В). Подобные привески распространены на территории восточных и северных соседей (Голубева, Варенов, 1978. С. 236). Среди привесок этой серии выделяется четыре предмета, изготовленных, по мнению Е.А. Рябина, по одному шаблону (1981. С. 42).

Следует отметить, что на большинстве раскопов находки полых коньковых привесок ограничиваются 1–2 экз. (таблица). Их концентрация фиксируется на некоторых усадьбах Неревского раскопа (рис. 2): Б (7 экз.), Е (7 экз.), Д (6 экз.), И (4 экз.), В (3 экз.). На Никитинском, Славенском и Ильинском раскопах они составляют хронологически компактные группы: усадьба А Славенского раскопа (6 экз.), слой догородской застройки Никитинского раскопа (5 экз.), усадьба Б Ильинского раскопа (3 экз.). На этих же усадьбах концентрируются детали и обломки шумящих привесок (рис. 4). На усадьбах Троицкого раскопа (рис. 3) количество полых шумящих коньков-амулетов не превышает их среднего количества на усадьбах большинства новгородских раскопов. (Покровская, Тянина, 2016).

Таким образом, большинство полых зооморфных привесок появляется в Новгороде не ранее середины XII в. Исключение – приладожская полая привеска-уточка из Неревского раскопа, происходящая из слоя XI в. Ее находка в комплексе с другими предметами финно-угорского происхождения, как было сказано выше, демонстрирует специфику этой части Неревского конца, которая заключалась



**Рис. 3.** Полые шумящие коньки-амулеты Троицкого раскопа (XX тип). 1–3, 5 – I группа (со сканной гривой); 4, 6–9 – II группа (с кольчатой гривой). 1 – 5-520; 2 – 8-522; 3 – 1-846; 4 – 1-1915; 5 – 1-2055; 6 – 2-1888а; 7 – 4-1270; 8 – +4-829; 9 – +3-891.

**Fig. 3.** Hollow rattling horse-shaped amulets of the Troitsky excavation site (type XX)

в связях ее населения с Юго-Восточным Приладожем.

Хронологическое распределение остальных полых зооморфных амулетов позволяет выделить периоды их бытования в Новгороде:

*I период (вторая половина XII – первая половина XIII в.).* К этому периоду относятся все птицевидные (4 экз.), привески “переходного” XIX типа (3 экз.) и 7 экз. коньковых. Большинство полых птицевидных привесок и привесок XIX типа происходит из Троицкого раскопа (5 экз.), из усадеб, расположенных к западу от Пробойной улицы. Их распространение на усадьбах Людина конца, открытых в процессе археологических исследований на Троицком раскопе, можно считать спецификой этой части средневекового Новгорода. Все привески XVIII и XIX типов – восточно-финского

происхождения, а центром их изготовления исследователи называют Поволжье (Голубева, 1979. С. 19; Рябинин, 1981. С. 38–40). При этом отмечается тенденция их распространения на северо-восток – в бассейн р. Шексна, Вологодскую и Архангельскую обл. (Голубева, 1979. С. 19). Комплекс предметов и берестяных грамот, найденных на Троицком раскопе, фиксирует стабильные связи владельцев этих усадеб с северо-востоком Новгородской земли (Янин, Зализняк, 1986. С. 18–20; Янин, 1998. С. 321–327; 2001. С. 66, 67), которые подтверждаются находками полых птицевидных привесок.

Топография полых шумящих коньков-амулетов подробно рассмотрена в статье Л.В. Покровской (2012). Амулетам Никитинского раскопа посвящена статья Л.В. Покровской и

Е.А. Тяниной (2016). Пять полых шумящих коньков I периода относятся к I группе (серии 1, 3), два — ко II группе (серия 5). Следует отметить, что в I периоде только на усадьбе Б Неревского раскопа полый конек-амулет найден в комплексе с украшениями финно-угорского происхождения (Покровская, 2012). В некоторых случаях обстоятельства находок вне усадебного комплекса не позволяют интерпретировать их раннюю дату. Например, на усадьбе Г Ильинского раскопа полый конек-амулет найден на незастроенном пространстве, недалеко от частокола, в слое конца XII — начала XIII в. (Покровская, 2012. С. 172). А ранняя дата конька, найденного на усадьбе В Троицкого раскопа, может быть связана с его случайным попаданием в слой первой половины XIII в. (Покровская, 2005).

Таким образом, полые зооморфные амулеты появляются в Новгороде в конце XII в., но еще не получают широкого распространения. Находки птицевидных амулетов локализируются в Людином конце и характеризуют связи владельцев усадеб с отдаленными областями Новгородской земли. Причины появления в Новгороде единичных экземпляров полых шумящих коньков-амулетов в I периоде не поддаются столь однозначной оценке. Кроме Новгорода коньки серий, найденных в слоях I периода, широко распространены на северо-западе Новгородской земли. Вероятно, их появление было первым проникновением традиции, возможно, с непосредственными носителями и связано с контактами владельцев усадеб с ближней и дальней округой. Поэтому вряд ли можно считать XII в. началом их изготовления в Новгороде.

*II период (вторая половина XIII—XIV в.).* К этому периоду относится большая часть полых коньковых привесок (84 экз.). Анализ химического состава привесок показал, что они сделаны из сплавов, характерных для Новгорода XIII—XV вв. (Коновалов и др., 2008. С. 35), что может служить аргументом в пользу того, что в Новгороде их могли начать изготавливать не ранее этого периода. Среди амулетов со сканной гривой наиболее представительной в Новгороде оказывается 1-я серия (39 экз.). В ней выделяется группа стандартных поздних привесок с наиболее схематичным изображением коня (рис. 4, 8, 9), которые могли быть отливками с копий. Именно эти привески, возможно, представляют продукцию новгородского ремесленного производства конца

XIII—XIV в. Что касается амулетов других серий, то их новгородское происхождение может быть подтверждено или опровергнуто только топографическим анализом и выявлением ремесленных мастерских, где их изготавливали.

В слоях второй половины XIII—XIV в. на **Неревском раскопе** полые шумящие коньки-амулеты происходят с тех усадеб, где прослежены представительные комплексы украшений финно-угорского происхождения. Усадьбы Д, Е, И принадлежали боярскому клану Мишиничей-Онцифоровичей (Янин, 1977. С. 172—181). Другому боярскому клану, судя по берестяным грамотам и другим находкам (в том числе деревянному цилиндру), принадлежала усадьба Б. Топографический анализ украшений финно-угорского происхождения показал, что интересы боярского рода Мишиничей-Онцифоровичей распространялись в северо-западные области Новгородской земли и за ее пределы. Это предположение подтверждается и комплексом берестяных грамот, найденных на усадьбе Е (Арциховский, Борковский, 1963. С. 104, 105). Интересы владельцев усадьбы Б простирались на северо-восток (Янин, 1982. С. 138). Находки полых коньков-амулетов органично вписываются в вещевой комплекс этих усадеб и подтверждают направления связей их владельцев (Покровская, 2012. С. 161—168). При этом следует отметить непродолжительность периода концентрации украшений финно-угорского происхождения на этих усадьбах (Покровская 2012. С. 167, 173). Появление на неревских усадьбах предметов финно-угорского происхождения и полых шумящих коньков-амулетов, в том числе, демонстрируют направление связей владельцев усадеб и общность материальной культуры Новгорода и Новгородской земли.

На **Троицком раскопе** прослеживается несколько иная картина распределения полых коньков-амулетов, чем на Неревском (Покровская, 2012. С. 168—171). Здесь во II периоде обнаруживается концентрация коньков-амулетов 4-й серии. Они найдены в слоях конца XIII — первой половины XIV в. на усадьбах М (2 экз., рис. 3, 9), О (1 экз., рис. 3, 8), Т (1 экз.) и на Троицком XV раскопе (1 экз., рис. 3, 4). Усадебная застройка и характер археологического материала позволили предположить, что усадьбы, раскопанные на Троицком раскопе, принадлежали боярскому клану Мирошкиничей. В начале XIII в., в связи с разорением этого



**Рис. 4.** Полые шумящие коньки-амулеты других новгородских раскопов (XX тип). 1–4, 8, 9 – I группа (со сканной гривой); 5–7 – II группа (с кольчатой гривой). 1 – Ильинский 17-131; 2 – Ильинский 17-96; 3 – Кировский 25-15; 4 – Кировский 23-17; 5 – Буяный 7-13; 6 – Буяный 8-13; 7 – Лубяницкий 6-4 (с остатками кожаного шнура); 8 – Никитинский 24-94; 9 – Никитинский 22-24.

**Fig. 4.** Hollow rattling horse-shaped amulets from other Novgorod excavation sites (type XX)

клана, происходит перепланировка усадеб и смена населения (Хорошев, 1994. С. 65, 66). Логично предположить, что заселение пустующих городских территорий могло происходить не только за счет горожан, но и за счет сельского населения. Поэтому комплекс ювелирных украшений этих усадеб в XIII–XIV вв. отличается от комплекса украшений боярских усадеб Неревского конца этого же периода некоторой “архаичностью” и “провинциальностью” (Покровская, 2005).

На **Славенском раскопе** в слоях второй половины XIII – начала XIV в. было найдено пять полых шумящих коньков-амулетов

I группы (серия 1) и один конек-амулет II группы (оплавленный). Все коньки 1-й серии составляют хронологически компактную группу 4-го строительного горизонта усадьбы А и могли быть изготовлены в ювелирной мастерской, расположенной на этой усадьбе (Покровская, 2012. С. 171, 172).

На Ильинском раскопе в слоях II периода было найдено три полых конька-амулета (1-й и 2-й серий). Несмотря на то что на усадьбах Е и Б есть следы ювелирного производства, прямых доказательств возможности изготовления полых коньков-амулетов на этих усадьбах нет (Покровская, 2012. С. 172).

На **Никитинском раскопе** найдено восемь полых шумящих коньков-амулетов. Шесть из них относятся к I группе (серии 1 и 2), два — к II группе (4-я серия). Четыре привески датируются второй половиной XIII — началом XIV в. и относятся к “доярусному” и “доусадбному” периодам, которые предшествовали городскому освоению этой территории (Дубровин, 2010. С. 126, 127). Все полые шумящие коньки-амулеты этого периода разнотипные и найдены в разных частях раскопа. Три однотипных конька-амулета относятся уже к “усадбному” периоду и найдены на разных усадьбах в слое конца XIV в. Можно предположить, что они изготовлены одним мастером. Однако у нас недостаточно фактов для того, чтобы утверждать, что они были отлиты именно здесь.

Повсеместное распространение полых шумящих коньков-амулетов в Новгороде во II периоде свидетельствует о том, что они становятся частью женского городского убора. Их топография демонстрирует многокомпонентность новгородской материальной культуры и ее взаимосвязь с культурой Новгородской земли (Покровская, 1998. С. 29), и лишь в некоторых случаях направление связей владельцев усадеб. Вопрос о возможном производстве полых шумящих коньков-амулетов на территории Новгорода до сих пор остается нерешенным. Широкое территориальное распространение односерийных амулетов на значительной территории от Прибалтики до Прикамья как будто бы указывает на их массовое изготовление на рынок в крупном ремесленном центре. Но гипотеза, что таким центром был Новгород, не подтверждается фактическим материалом. В Новгороде пока не обнаружены свидетельства массового производства полых шумящих коньков, ориентированного на широкий рынок сбыта. Единственная мастерская, где их могли изготавливать, пока зафиксирована только в Славенском конце (Славенский раскоп), но она просуществовала здесь очень короткий промежуток времени (Колчин, Рыбина, 1982. С. 191).

Следует отметить, что количественный состав, однотипность серий привесок, найденных на одной усадьбе, и даже химический состав сплава служат только косвенными признаками их возможного изготовления в Новгороде, если на усадьбе нет следов ювелирного производства. Уточнение аналогий коньков в некоторых случаях выявляет направления связей

владельцев новгородских усадеб с подвластными землями, но не то, что они были изготовлены на этих усадьбах. Мы не можем также утверждать, что коньки-амулеты одной серии или даже идентичные, найденные в разных частях Новгородской земли или за ее пределами, попали туда исключительно из Новгорода. Нельзя исключать и обратную связь. В некоторых случаях контакты владельцев усадеб с теми районами, где были найдены идентичные новгородским амулеты, подтверждаются прямо или косвенно другими источниками. Изучение хронологии и топографии полых шумящих коньков-амулетов показало, что коньки I группы могли стать элементом городской культуры не ранее второй половины XIII в., т.е. изначальный импульс их распространения шел из округа в Новгород, а не наоборот. Поэтому считать все эти привески продукцией новгородского ремесленного производства нет оснований, так же как и называть их новгородскими.

Таким образом, птицевидные привески и привески “переходного” XIX типа не получают широкого распространения в городской среде, а их бытование в Новгороде ограничивается I периодом. Иная картина прослеживается в распространении коньковых привесок. Их количество резко возрастает во II периоде. Такая избирательность образов, безусловно, напрямую связана со смысловым значением образов коня и птицы. По этой причине семантика полых коньковых привесок, причины их распространения и популярности в Новгороде во II периоде становятся важными задачами в исследовании этой группы амулетов. К вопросам семантики зооморфных привесок обращались практически все авторы, занимавшиеся их изучением (Голубева, Варенов, 1978. С. 237–239; Голубева, 1979; Рябинин, 1990; Липина, 2006; Кузнецова, 2013). В этих работах отмечено этнокультурное различие культового значения основных образов. Так, культ водоплавающей птицы был характерен исключительно для финно-угорской мифологической традиции, а конь как символ солнца, известен кроме финно-угров у балтов и восточных славян (Рябинин, 1990). Именно это обусловило большее распространение коньковых амулетов в контактных зонах древнерусского и финно-угорского расселения. Топографическое распределение полых шумящих коньков в Новгороде, широкое распространение в городе тех же типов этих амулетов, что и на северо-западе Новгородской земли

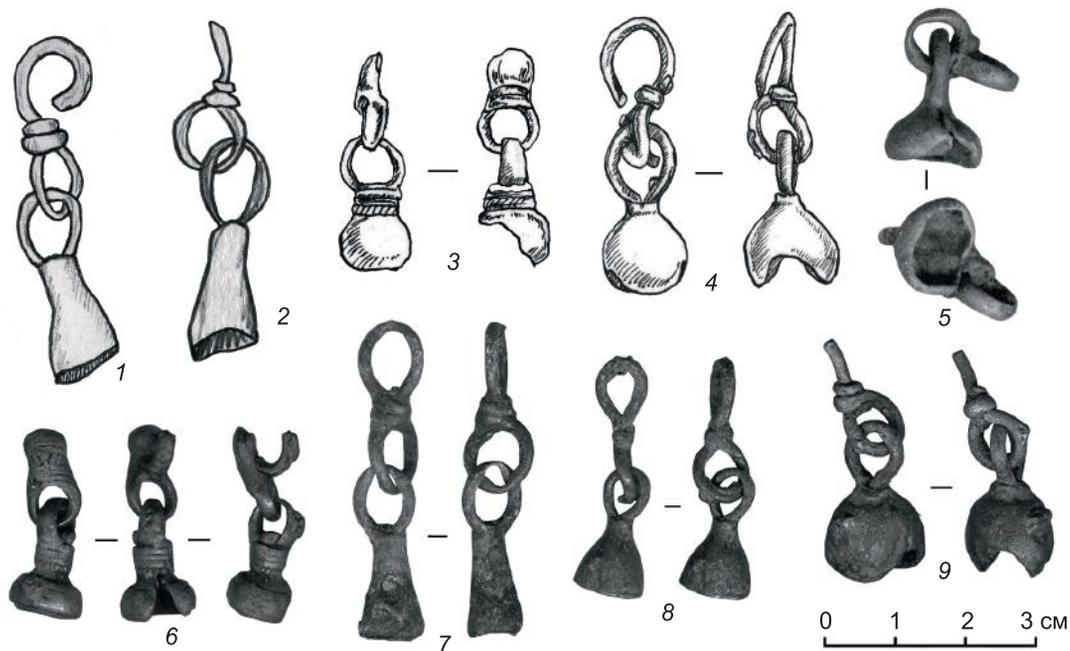


Рис. 5. Детали полых зооморфных привесок. 1 – Неревский 16-21-1189; 2 – Неревский 13-17-305; 3 – Никитинский 29-109; 4 – Никитинский 23-43; 5 – Борисоглебский 10-24; 6 – Троицкий 6-1840; 7 – Троицкий 4-1846; 8 – Троицкий 4-1841; 9 – Троицкий +3-1908.

Fig. 5. Details of hollow zoomorphic pendants

демонстрируют культурное единство Новгорода и его округа. Тем не менее, вопрос о восприятии семантических образов в городской культуре до сих пор остается дискуссионным.

В настоящее время существует устоявшееся мнение, что с течением времени полые шумящие коньки-амулеты в древнерусской среде, в том числе и в Новгороде, утрачивают свое семантическое значение (Голубева, Варенов, 1978. С. 239, Рябинин 1990. С. 185). На наш взгляд, представление о семантике полых шумящих амулетов как о некоем традиционном благожелательном образе опровергается избирательностью новгородцев, воспринявших образ коня, но отвергнувших образ птицы. Появление и распространение полых шумящих коньков-амулетов в Новгороде и Новгородской земле в XIII–XIV вв. надежнее связывать с тем, что финно-угорская традиция была переосмыслена на древнерусской почве.

Для того чтобы понять, насколько осознанным было использование коньков-амулетов в Новгороде, необходимо обратиться к мифологическим основам культа коня, которые могли обусловить их распространение и магическое применение. Как было сказано выше,

конь в славянской мифологии был символом солнца и подателем всех жизненных благ. Его образ был введен в славянскую аграрно-магическую обрядность как символ добра, благоденствия и счастья (Голубева, Варенов 1978. С. 238; Рябинин 1981. С. 56; Липина, 2006). При этом полые коньки-амулеты были женскими оберегами, о чем свидетельствуют их находки исключительно в женских погребениях, причем, их положение в некоторых погребениях у тазовых костей, “у лона”, напрямую указывает на репродуцирующую магию (Голубева, Варенов, 1978. С. 238; Рябинин, 1981. С. 43). Л.А. Голубева и А.Б. Варенов упоминают о том, что они “занимали в женском уборе место, традиционное для амулетов-оберегов, призванных охранять грудь и лона женщины и сообщать ей плодородие”, однако в результате связывают их с аграрной магией земледельцев (Голубева, Варенов, 1978. С. 238). Той же “аграрной” гипотезы придерживается и Л.И. Липина (2006). Но если сама связь солярного культа и аграрной обрядности с репродуцирующей магией очевидна, то “солярно-аграрная” гипотеза семантики коньков-амулетов содержит серьезное противоречие. Конь в аграрных обрядах являлся мужским атрибутом (Славянс-

кие древности, 1999. С. 590–593), в то время как полый шумящий конек был женским амулетом. Таким образом, напрямую связывать образ коня в полых шумящих коньках-амулетах с его солярным значением и с аграрными обрядами некорректно.

В то же время, об осознанном использовании полых коньковых привесок свидетельствуют и другие новгородские археологические находки, которые подтверждают традиционность культа коня в Новгороде. Прежде всего, это “строительные жертвы” – ритуальные захоронения конских черепов под нижними венцами построек (Седов, 1957. С. 20–27). Этот обычай в неизменном виде присутствует во всех археологических слоях с X по XIV в., что указывает на устойчивость как самого ритуала, так и его атрибутики. Другое свидетельство – находки амулетов из костей коня, которые также датируются широким хронологическим диапазоном с X по XIV в. Не исключено, что эти две традиции имеют связь, так как для амулетов могли использоваться кости именно жертвенных животных (Тянина, 2011. С. 166). Это возводит культ коня в Новгороде не столько к солярной мифологии и связанной с ней аграрной обрядности, сколько к не менее распространенному представлению о сакральной роли коня как оберега дома, связанного с верой в домового духа (Криничная, 2004. С. 96–103). Эта семантика коня имеет столь же древние корни, что и солярная мифологическая сущность этого образа, и связана с архаичным представлением о живой душе дома, которая переходит к нему от принесенной при строительстве жертвы. Именно с этими представлениями хорошо сочетается и образ коня в женском амулете, так как женщина считалась хранительницей домашнего очага и была объектом репродуцирующей магии.

Полый шумящий амулет, кроме образа коня, содержал еще два элемента. Это – идеограмма воды и шумящие подвески. Идеограмма воды на коньковых привесках (волнистый орнамент на тулове), так же как и привески в виде утиных лапок большинством исследователей связывается с “двойным образом коня-утки, или “солнечного” и “водяного” коня, которые “усиливают значение амулета, как символа плодородия” (Голубева, Варенов, 1978. С. 238). Однако существует и еще одна трактовка воды, которая связана с ее апотропеической и репродуцирующей силой как источника жизни

и средства магического очищения (Славянские древности, 1995. С. 386–389).

Как было сказано выше, подвески в виде утиных лапок встречены только в двух случаях на полых птицевидных амулетах, а не на коньковых. Шумящие привески в виде бубенчиков, которые прикреплялись внизу полых коньков-амулетов, могли исполнять отгонную функцию, приписываемую ритуальному шуму и звону (Левкиевская, 2002. С. 35, 117). Еще одно магическое представление отражено в использовании удвоенного образа, что в магической практике означает усиление благожелательного эффекта (Голубева, Варенов, 1978. С. 239).

Таким образом, полый шумящий конек-амулет имел сложную семантику, сочетающую в себе как благожелательные и репродуцирующие, так и апотропейные функции. При этом славянские и финно-угорские мифологические представления дополняли друг друга. Это предопределило не только вхождение полых коньков-амулетов в многокомпонентную культуру Новгородской земли, но и распространение их в городской среде.

Нельзя не отметить, что в последнее время появилась гипотеза, в которой развитие образов зооморфных привесок трактуется не только взаимодействием древнерусской и финно-угорской культур, но и “контаминацией языческого и христианского бестиариев” (дракон, грифон) (Кузнецова, 2013. С. 53–62; 2016. С. 6). Существенным, на наш взгляд, возражением является тот факт, что стилистика изображения дракона хорошо известна в новгородском прикладном искусстве, например на костяных и бронзовых накладках (см. Седова, 1981. С. 78–80, 163–165; Древний Новгород..., 1985. № 155, 156, 157, 159, 160), и она не имеет ничего общего с традицией зооморфных изображений.

Таким образом, распространение в Новгороде полых зооморфных амулетов – еще одно свидетельство многокомпонентности его культуры, отражающей не только смешение различных традиций в городской среде, но и территориальные связи жителей усадеб. Анализ археологического материала показывает, что традиция использования полых зооморфных амулетов пришла в Новгород из Новгородской земли, поэтому вопрос о происхождении и центрах производства полых зооморфных амулетов не может быть решен на основании только новгородского материала, а

требует комплексного исследования этих находок на всей территории их бытования. Нет никаких оснований считать эту традицию новгородской и говорить о массовом производстве коньков-амулетов в Новгороде на рынок. Появление в Новгороде птицевидных привесок на раннем этапе могло быть связано с носителями финно-угорской традиции. Вхождение в городскую культуру полых шумящих коньков-амулетов во второй половине XIII–XIV в. можно объяснить не только взаимодействием Новгорода с округой, но и семантикой этих амулетов, которая отражала представления новгородцев о благожелательной, репродуцирующей и апотропейной магии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00372.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анучин Д.Н.* О культуре костромских курганов и особенно необходимых в них украшениях и религиозных символах. М.: Тип. И.Н. Шарапова, 1899. 23 с. (Из “Материалов по археологии восточных губерний, изд. Моск. археол. об-вом”; т. 3).
- Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.: Наука, 1963. 328 с.
- Голубева Л.А.* Коньки-подвески междуречья Волги и Оки // СА. 1976. № 2. С. 67–82.
- Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979 (САИ; вып. Е1-59). 113 с.
- Голубева Л.А., Варенов А.Б.* Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. 1978. № 2. С. 228–239.
- Древний Новгород прикладное искусство и археология М.: Искусство, 1985. 168 с.
- Дубровин Г.Е.* Никитинский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 336 с.
- Колчин Б.А., Рыбина Е.А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 178–239.
- Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Вост. литература, 2008, 191 с.
- Криничная Н.А.* Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Гаудеамус, 2004. 1006 с.
- Кузнецова В.Н.* Зооморфные образы в изобразительной традиции населения лесной зоны Восточной Европы в начале II тыс. н.э. // Музей. Традиции. Этничность. 2013. № 2 (4). С. 52–64.
- Кузнецова В.Н.* Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы X–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 22 с.
- Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.
- Липина Л.И.* Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. — нач. II тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 23 с.
- Покровская Л.В.* Полые шумящие коньки-амулеты древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3 / Ред. В.Л. Янин. Новгород: Новг. гос. объедин. музей-заповедник, 1990. С. 71–73.
- Покровская Л.В.* Зооморфные привески древнего Новгорода (X–XIV вв.) // Труды VI Международ. конгресса славянской археологии. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян / Ред. В.В. Седов. М., 1997. С. 261–269.
- Покровская Л.В.* Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 30 с.
- Покровская Л.В.* Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19 / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2005. С. 120–132.
- Покровская Л.В.* Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. Т. 3. № 48. С. 36–51.
- Покровская Л.В.* Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 259–272.
- Покровская Л.В.* Топография полых шумящих коньков-амулетов в средневековом Новгороде // Stratum plus. 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, меря и инии язычи. С. 159–178.
- Покровская Л.В., Тянина Е.А.* Амулеты с усадеб Ярышевой улицы (Троицкий раскоп) // РА. 2015. № 4. С. 89–100.
- Покровская Л.В., Тянина Е.А.* Амулеты с Никитинского раскопа в Новгороде (систематизация, хронология и топография) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6. С. 779–785.
- Рындина Н.В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III: Новые методы в археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 117). С. 200–263.

- Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; вып. Е1–60). 125 с.
- Рябинин Е.А.* Археологический материал как источник для изучения финской религии // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. II: Русь, финны, славяне, верования / Ред. А.Н. Кирпичников, Е.А. Рябинин. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 181–196.
- Седов В.В.* К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 20–30.
- Седов В.В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 246–251.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Славянские древности. Т. I / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.
- Славянские древности. Т. II / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1999. 702 с.
- Тянина Е.А.* Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. Т. 17. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 159–168.
- Хорошев А.С.* Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадебная А) // Новгородские археологические чтения: материалы конф., посвящ. 60-летию археол. изучения Новгорода и 90-летию со дня рожд. основателя Новгородской археол. эксп. А.В. Арциховского (Новгород, 28 сент. – 2 окт. 1992 г.) / Ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. Новгород: Новг. гос. объедин. музей-заповедник, 1994. С. 54–66.
- Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977. 241 с.
- Янин В.Л.* Археологический комментарий к “Русской правде” // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 138–155.
- Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М.: Языки русской культуры, 1998. 461 с.
- Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: НовГУ, 2001. 151 с.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 311 с.

## HOLLOW ZOOMORPHIC PENDANTS FROM MEDIEVAL NOVGOROD

**Lyubov V. Pokrovskaya\*, Elena A. Tyanina\*\***

*M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia*

\*E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru

\*\*E-mail: vyla@yandex.ru

In the Middle Ages, hollow zoomorphic pendants from nonferrous metal were widely spread among the Finno-Ugrians, Balts and Slavs. They are found in settlements, hoards, in barrow and ground cemeteries. Many researchers have focused numerous papers on studying their chronology, typology, semantics, manufacturing techniques, and ethnic attribution. The article discusses the chronology and topography of hollow zoomorphic amulets in Novgorod and some issues of their semantics. The study identified two periods of their existence. In the layers of the 1st period (the late 12<sup>th</sup>–the first half of the 13<sup>th</sup> century) they were not widely spread, their appearance in Novgorod was connected with the contacts of the estate owners with the near and far districts and was the first penetration of the tradition of their use in the urban environment. In the second period (the second half of the 13<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> century), the spread of hollow horse-shaped pendants in Novgorod indicates that they become part of women’s urban garment and demonstrate the interconnection of urban material culture with the culture of Novgorod land and, in some cases, the direction of connections of the estate owners. Introduction of hollow rattling horse-shaped amulets to the urban culture in the second half of the 13<sup>th</sup>–the 14<sup>th</sup> century was not only caused by the interaction of Novgorod with the adjacent area, but also prompted by the semantics of these amulets reflecting the religious beliefs of Novgorod dwellers.

*Keywords:* medieval Novgorod, archaeology, avian amulets, horse-shaped amulets, systematization, chronology, topography, semantics.

## REFERENCES

- Anuchin D.N., 1899. O kul'ture kostromskikh kurganov i osobenno neobkhodimykh v nikh ukrasheniya i religioznykh simbolakh [On the culture of the Kostroma mounds and, in particular, the decorations and cult symbols being found there]. Moscow: Tip. I.N. Sharapova. 23 p. (Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy, izd. Mosk. arkheol. obshchestvom, 3).
- Artsikhovskiy A.V., Borkovskiy V.I., 1963. Novgorodskiy gramoty na bereste (iz raskopok 1956–1957 gg.) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1956–1957)]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Drevniy Novgorod. Prikladnoye iskusstvo i arkheologiya [Ancient Novgorod. Applied art and archaeology]. Moscow: Iskusstvo, 1985. 168 p.
- Dubrovin G.E., 2010. Nikitinskiy raskop v Novgorode [Nikitinsky excavation site in Novgorod]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 336 p.
- Golubeva L.A., 1976. Horse-shaped pendants from the Volga–Oka interfluve. *Soviet. Archaeol.*, 2, pp. 67–82. (In Russ.)
- Golubeva L.A., 1979. Zoomorfnyye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic decoration of Finno-Ugrians]. Moscow: Nauka. 113 p. (SAI, E1-59).
- Golubeva L.A., Varenov A.B., 1978. Hollow horse-shaped amulets of Ancient Rus. *Soviet. Archaeol.*, 2, pp. 228–239. (In Russ.)
- Khoroshev A.S., 1994. Topography, stratigraphy, chronology and estate plan of the Troitsky excavation site (estate A). *Novgorodskiy arkheologicheskiye chteniya: materialy konferentsii, posv. 60-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda i 90-letiyu so dnya rozhd. osnovatelya Novgorodskoy arkheol. ekspeditsii A.V. Artsikhovskogo* [Novgorod archaeological readings: Proceed. of the Conf. dedicated to the 60<sup>th</sup> anniv. of the archaeological research of Novgorod and the 90<sup>th</sup> anniv. of the founder of the Novgorod archaeological expedition A.V. Artsikhovsky] (1992). V.L. Yanin, P.G. Gaydukov, eds. Novgorod: Novgor. gos. ob"yedinenny muzey-zapovednik, pp. 54–66. (In Russ.)
- Kolchin B.A., Rybina E.A., 1982. An excavation site on Kirov Street. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok v Novgorode* [Novgorod collection. 50 years of excavations in Novgorod]. B.A. Kolchin, V.L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 178–239. (In Russ.)
- Konovalov A.A., Eniosova N.V., Mitoyan R.A., Saracheva T.G., 2008. Tsvetnyye i dragotsennyye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya [Non-ferrous and precious metals and their alloys in Eastern Europe in the Middle Ages]. Moscow: Vost. lit., 191 p.
- Krinichnaya N.A., 2004. Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora [Russian mythology: the world of folklore images]. Moscow: Gaudeamus. 1006 p.
- Kuznetsova V.N., 2013. Zoomorphic images in the pictorial tradition of the Eastern European forest zone inhabitants in the early 2<sup>nd</sup> millennium AD. *Muzey. Traditsii. Etnichnost'* [Scientific Journal of the Russian Museum of Ethnography], 2(4), pp. 52–64. (In Russ.)
- Kuznetsova V.N., 2016. Ornitomorfnyye i zoomorfnyye ukrasheniya naseleniya lesnoy zony Vostochnoy Evropy X–XIV vv.: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Ornitomorphic and zoomorphic adornments of the Eastern European forest zone inhabitants of the 10<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries: Author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. St. Petersburg. 22 p.
- Levkiyevskaya E.E., 2002. Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow: Indrik. 334 p.
- Lipina L.I., 2006. Semantika bronzovykh zoomorfnykh ukrasheniya prikamskogo kostyuma (ser. I tys. do n.e. – nach. II tys. n.e.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Semantics of bronze zoomorphic adornments of the Kama region's costume (the middle of the 1<sup>st</sup> millennium BC – the early 2<sup>nd</sup> millennium AD): Author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. Izhevsk. 23 p.
- Pokrovskaya L.V., 1990. Hollow rattling horse-shaped amulets of ancient Novgorod. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology], 3. V.L. Yanin, ed. Novgorod: Novgor. gos. ob"yedinenny muzey-zapovednik, pp. 71–73. (In Russ.)
- Pokrovskaya L.V., 1997. Zoomorphic pendants of ancient Novgorod (the 10<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries). *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii* [Proceed. of the VI International Congress of Slavic Archaeology], 3. *Etnogenez i etnokul'turnyye kontakty slavyan* [Ethnogenesis and ethno-cultural contacts of the Slavs]. V.V. Sedov, ed. Moscow, pp. 261–269. (In Russ.)
- Pokrovskaya L.V., 1998. Ukrasheniya baltskogo i finno-ugorskogo proiskhozhdeniya srednevekovogo Novgoroda: sistematizatsiya, khronologiya, topografiya: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Ornaments of the Baltic and Finno-Ugric origin in medieval Novgorod: systematization, chronology, topography: Author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. 30 p.
- Pokrovskaya L.V., 2005. Jewelry complex of estate B of the Troitsky excavation site. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology], 19. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgor. gos. ob"yedinenny muzey-zapovednik, pp. 120–132. (In Russ.)

- Pokrovskaya L.V.*, 2007. Jewelry of Ludin konets of medieval Novgorod (based on materials from the Troitsky excavation site). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Humanitarian Research Foundation]*, vol. 3, № 48, pp. 36–51. (In Russ.)
- Pokrovskaya L.V.*, 2010. Pendants-amulets of medieval Novgorod (the Nerevsky and Troitsky excavation sites). *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo i ego istoki [Slavic-Russian jewelry and its origins]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 259–272. (In Russ.)
- Pokrovskaya L.V.*, 2012. Topography of hollow rattling horse-shaped amulets in medieval Novgorod. *Stratum plus*, 5, pp. 159–178.
- Pokrovskaya L.V., Tyanina E.A.*, 2015. Amulets from the Yaryshev Street manors of the Troitsky excavation site. *Ross. Archaeol.*, 4, pp. 89–100. (In Russ.)
- Pokrovskaya L.V., Tyanina E.A.*, 2016. Amulets from the Nikitinsky excavation site in Novgorod (systematization, chronology and topography). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya [Historical Journal: Research]*, 6, pp. 779–785. (In Russ.)
- Ryabinin E.A.*, 1981. Zoomorfnyye ukrasheniya Drevney Rusi X–XV vv. [Zoomorphic adornments of the Ancient Rus of the 10<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries]. Leningrad: Nauka. 125 c. (SAI, EI-60).
- Ryabinin E.A.*, 1990. Archaeological material as a source for studying Finnish religion. *Finny v Evrope VI–XV vv. [Finns in Europe in the 6<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries], II. Rus', finny, slavyane, verovaniya [Russia, Finns, Slavs, beliefs]*. A.N. Kirpichnikov, E.A. Ryabinin, eds. Moscow: IA AN SSSR, pp. 181–196. (In Russ.)
- Ryndina N.V.*, 1963. Production technology of Novgorod jewelers of the 10<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Novgorod archaeological expedition], III. Novyye metody v arkheologii [New methods in archaeology]*. Moscow: Izd. AN SSSR, pp. 200–263. (MIA, 117). (In Russ.)
- Sedov V.V.*, 1957. To the issue of sacrifices in ancient Novgorod. *KSIIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 68, pp. 20–30. (In Russ.)
- Sedov V.V.*, 1966. Finno-Ugric elements in the mounds of Ancient Rus. *Kul'tura Drevney Rusi [The Culture of Ancient Rus]*. Moscow: Nauka, pp. 246–251. (In Russ.)
- Sedova M.V.*, 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of ancient Novgorod (the 10<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries)]. Moscow: Nauka. 195 p.
- Slavyanskiye drevnosti [Slavic Antiquities], I. N.I. Tolstoy, ed. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1995. 584 p.
- Slavyanskiye drevnosti [Slavic Antiquities], II. N.I. Tolstoy, ed. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1999. 702 p.
- Tyanina E.A.*, 2011. Amulets made from animal teeth and bones in medieval Novgorod. *Arkheologicheskiye vesti [Archaeological News]*, 17. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 159–168. (In Russ.)
- Yanin V.L.*, 1977. Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya [Essays on Comprehensive Source Studies]. Moscow: Vysshaya shkola. 241 p.
- Yanin V.L.*, 1982. Archaeological commentary on the “Russian Truth”. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok v Novgorode [Novgorod collection. 50 years of excavations in Novgorod]*. B.A. Kolchin, V.L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 138–155. (In Russ.)
- Yanin V.L.*, 1998. Ya poslal tebe berestu... [I sent you a birchbark letter...]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 461 p.
- Yanin V.L.*, 2001. U istokov novgorodskoy gosudarstvennosti [At the origins of the Novgorod statehood]. Velikiy Novgorod: NGU. 151 p.
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A.*, 1986. Novgorodskiy gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977–1983)]. Moscow: Nauka. 311 p.